

Загадка

Михаил Иванов

Взявшись долбить сосны верхушку,
Дятел наткнулся на кукушку,
Сидевшую чуть ниже на суку
И тихонько вздохнувшую: «Ку – ку».

– Ты че, совсем уже того:
Один годок прибавила всего.
Так дешево считаешь мою жизнь.
А ну еще с полсотни приложи!

В ответ кукушка фыркнула: «Нахал!
Уж лучше б мошек молча жрал.
Чем бестолково по лесу порхать,
Да живность малую пугать!»

– Тебе, конечно же, виднее.
Но кто тогда, по твоему, услышит,
Чем твой слуга покорный дышит?...
И стал долбить еще сильнее.

Кукушка думала: «Урод!
Уж точно с головою не в порядке.
Дубасит и дубасит, как в припадке,
И как только, подлец, не упадет?!»...

Медвежья установка

Михаил Иванов

Свершив прогулку после спячки,
Медведь созвал большой совет
И заключил после накачки:
Дескать, картина – туши свет!
Куда ни глянь – рога, копытья.
Да не один, не два, а воз!...
Он сам не против порезвиться.
Но где порядок? Вот вопрос.
Волки под взглядом босса взвыли:
Дескать, за что такой накат?
Мы волю клана не забыли –
Берем и мочим всех подряд!

Шакалы тоже гвалт подняли:
Мол, наша цель, как день, ясна –
Было б спереть что, а детали –
Не наших правил сторона.
Лиса протявкала, что перья –
Это потерь невольных след.
И пусть ей на слово поверят.
Что сей проблемы больше нет.
Вердикт таков: брать не приметно.
Какой методой – не вопрос.
И чтобы не было предметно,
На то есть зубы и погост.

Птица

Михаил Иванов

В одном лесу подружки жили
Кукушка и сорока – белобока.
Вместе летали, гнезда вили
И даже семьями дружили.
И вот, откуда-то с Востока
Кукушке весточка приходит,
От родственников дальнего колена
О том, что род ее из знатных происходит.
И рангом вровень чуть ли не с вселенной!
Кукушка от волнения с ритма сбилась,
И вместо прежнего - куку,
Несла такую чепуху,
Что старая сорока прослезилась:
«Что случилось, милая, с тобой?
Неужто горлом заболела?
А может быть козявок переела?
Почисти клювик свой и пой!»
«Ты не указ мне с нынешнего дня, –
Кукушка важно отвечала, –
Довольно дел порочащих меня.
Не видишь, как я с вами одичала.
Мой род свободен и высок,
И птица я особого полета.
И чужды мне твой черствый голосок
И всякая лесных хлопот работа»...
И упорхнула на высокую сосну.
Сорока удивилась: «Ну и ну!».

И по делам семейным отлучилась.
В ее гнездо кукушка опустилась,
Яичко приспособила и скрылась...
Такой вот знатный поворот
При самомнении высоком...
И насыщает жадный рот
Чужого отпрыска сорока.

Пчела и трутень

Михаил Иванов

Трутень довольно налетал,
В лугах нектаром наслаждаясь.
Но не насытился, устал,
Все боле злясь и раздражаясь.
Пчелу заметив, рядом сел,
И обреченно прогудел:
Мол, так ослаб от вечных дел,
Что сил уж нет к цветку стремиться.
Было бы проще удавиться...
Пчела была работой занята
И вокруг цветка заботливо жужжала,
И об иных делах не помышляла.
Но подвела пчелу простая доброта
С трутнем хитрюгой поделиться.
И тот сумел так приложиться,
Что всю пчелиную добычу проглотил.
Довольный взмыл и улетел,
Как будто бы иного не хотел.
Свершил, дескать, «добро» по мере сил...
Остаток дня пчела трудилась
И в улей поздно возвратилась.
Трутень – хитрец не унывал,
В семье пчелиной ел и спал,
Нектаром солнечным питаясь.
И уже ползал, не летал,
Брюшком солидным упиваясь.
Но вот пчелиное семейство
С весной удвоилось, и новый рой,
Свершая действие,
Клубясь, вступил в пчелиный строй.
Вот тут – то наш герой засуетился,
На «летке» встретившись с пчелой.

Никто за лодыря не заступился.
И пригрозив смертельным жалом,
Пчеле ничто не помешало
Трутня от крыльев отделить.
А что осталось вниз свалить.
Такой же участи подверглись и другие,
Поскольку кончились дела ихни благие.

Шакал и хомяк

Михаил Иванов

Шакал, заметив хомяка,
Спросил, прижав его слегка:
– Где ты таких набрался сил?
Тащишь съестное за щекой.
И до сих пор не проглотил?
Я потерял бы сон, покой,
Извелся б весь от маяты,
Держа во рту глоток еды.
Хомяк шакалу отвечал:
– Терпел, старался и молчал.
Уж такова моя работа:
Не о себе только забота.
А ты, я вижу, похудел,
Однако жив, не окошел...
– Ты прыть словесную умерь!
Я как – никак, а все же – зверь.
Раскрою пасть – и будешь нем!
– Согласен полностью я с тем, –
Сказал хомяк, – но после порки
Кто брошен волком на задворки?
И кто из нас к чему пригоден?
Я сыт, а ты, мой друг, голоден, –
Сказал хомяк – и скрылся в норке.

Скала

Михаил Иванов

Осел слона боготворил,
Пред мощью преклонялся.
Поскольку хилый с детства был
И угодить старался.

Куда б ни пер, ни правил слон,
С ним рядом был ушастый.
Не мало зла посеял он,
К делам слона причастный.

И жажда власти их гнала
И гимны вслед им пели,
Пока не встретилась “скала”...
И бивни отлетели!

Осел на выводы был скор
И подыграть был рад.
Вопил: “Ответим на террор-
Террором во сто крат!”...

И вот, очухавшись от ран,
Махая в такт ушами,
Вскоре опять, в одной из стран,
В “Скалу” уперлись лбами...

Стоит не падает “Скала”.
Насилью не подвластна...
Там, где торчат уши осла,
Слоновья мощь напрасна.

Бенефис

Михаил Иванов

Услышав соловья волшебный свист,
Сорока на весь лес запричитала:
–Ах–ах, как голос безупречен твой и чист.
Давно уж слушаю тебя, и не устала!
Похоже, нам пора объединиться
И славой наконец-то насладиться.
А там признание придет, авторитет.

На предприимчивость запретов нынче нет.
–Сама додумалась, или кто с дуру
Подбил тебя на эту авантюру? –
Певец взъерошил перышки в ответ.
–Какая авантюра!... Нет и нет!
Залог успеха – твой авторитет!
Тут главное прослыть и раскрутиться.
А пролетим, так кто мешает скрыться?
Полдня сорока не смолкала
И соловья, беднягу, уломала...
И вот под шум дерев пошла потеха:
Аудитория попадала от смеха.
Орала и свистела вслед певцам,
Послав их напоследок к праотцам...
У соловья вся предприимчивость пропала.
Сорока же, напротив, ликовала.
Тщеславна и напориста не в меру,
Продолжила гастрольи... “Под фанеру”.
И не поверите: под “браво” и на “бис”
Прошел ее недавний бенефис.

Гонка

Михаил Иванов

(басня)

В одну лесистую сторонку
Свалилась весть,
 как зимний гром:
Заяц предвыборную гонку
Ведет нос в нос с волком
 вдвоем!

Косой на финише надал
И оторвался – ищи ветра!
Но, заплутавшись, крюка дал
И выиграл с разницей
 в полметра.

Но волк оспорил результат.
И суд, признавши иск
 законным,
Решил сию задачу так:

Не волк, а хвост отстал
евонный.

Измерив хвост до сантиметра
И предъявив законов свод,
Судьи нашли полмиллиметра,
Что волка вывели вперед.

Заяц вопил, что вражьи слуги
На всем пути чинили вред,
И что он дал два лишних
 круга...
Судьи отметили как бред.

Однако надо тут признаться,
Что заяц в гонке был хорош.
Но не рожден он был кусаться,
Да и на зверя не похож.

А судьи кто

Михаил Иванов

(побасенка)

Осла с козлом застукали
 на краже.
Законник волк с таким
 ажикотажем
Стал защищать грабителей
 в суде,
Что судьи обвинили в клевете
Тех, кто пытался воров
 обличить
И права на свободу их
 лишить.
И дело этим завершили,
А погода политику пришили.
И вот «гонимые» козел
 с ослом
Прошли в парламент на «ура!»
И в унисон, без лишних слов,
Заголосили: мол, пора
Отметить хищную породу

Особым актом на свободу.
Они и так, дескать,
 «в законе»,
Когда за проволокой в зоне.
И, рассмотрев со всех сторон,
Уперлись в «сложность».
 И закон
Поддержки общей не нашел.
(Но в первом чтении
 прошел)...

Звериные льготы

Михаил Иванов

(басенка)

Медведи думали и приняли
 закон:
Зверью с сих пор
 пожизненную льготу,
С незыблемой свободой
 на охоту
И правом на зачистку,
 то есть – шмон.
Братаны-волки (клановый
 косяк)
От вдохновенья прямо-таки
 взвыли,
И дни, когда в лесу
 старался всяк
Под смачный хруст
 и чавканье, забыли...
Недавно слух прошел
 (и говорят – не врут),
Что льготы в том лесу
 на днях удвоют,
Поскольку на одну лапу
 берут,
А в две, не отходя
 от «кассы», моют.

Медвежья дума

Михаил Иванов

(басня)

Зверье лесное и зверюшки,
Собравшись в полдень
на опушке,
Решали впрок, согласно даты,
Кого направить в депутаты?

Поднялись волки: мол, от нас.
Им в пику зайцы: «Знаем вас.
Ночные ваши шуры-муры,
Когда от коз остались шкуры!»

Лиса, играя рыжим мехом,
Умом блистала и сноровкой...
Но блеск ее собачьим брехом
Затмил енот: «Уймись плутовка!

Тебе б все шашни заводить,
Да кур под корень изводить!
Предпочитаю черепаху:
Мудра, и в деле не даст маху».

«Мы предлагаем боле
прытких», -
Шуршали мыши и улитки...
Тут встал медведь, и все
примолкли.
Хвосты поджали даже волки:

«Я тут, друзья, программу
сляпал.
Она довольно кратка – лапа!...
«Но это ж форменное свинство!
Где тут свобода?
Где единство?» -
Лось одиноко протрубил
И в тень лесную отступил...
С тех времен уж не реветь –
Думать стал за всех медведь.

Зло

Михаил Иванов

(басня)

В лесу заговорили о еже,
Что он медвежий протеже
На важный пост секретаря.
И слухи эти шли не зря.

Всяк уже знал, что на поляне,
И не иначе как по пьяни,
Медведь, в разгаре кутежа,
Сел ненароком на ежа.

Конфуз!...Аврал!...Кому потеха,
Только топтыге не до смеха.
Иная прыть, не тот загул.
Дело не шуточное – «стул!»

Бедняга еле оклемался
И за ежа немедля взялся:
Как, мол, посмел болван колючий?!
Да я тебя за этот случай!...

Но как топтыга не старался,
А еж кем был тем и остался.
Зато топтыгу не узнать
Стал по иному рассуждать:

«Каков однако же хитрец,
Так подкатиться смог, подлец!
Придется рекомендовать,
Иначе зла не миновать».

Львы и волки

Михаил Иванов

В сумеречном лесу
Волк прикончил Лису.
И дрожать всю округу
заставил.

Лев момент понимал.
Сам не раз позволял,
Но поход за порядок
возглавил.

Повелел верным псам
Взять бразды тут и там
И в борьбе с этим злом
расшибиться.

Лихоимцев поймать,
Шкуры с них поснимать,
Чтоб согласия в дебрях
добиться.

Обложили и... хрясь!
Окровавилась пасть –
Волчья хватка в природе
известна.

И не важно кого,
Куш – превыше всего,
Двум зверюгам в лесу
стало тесно.

Круг замкнулся. Увы!
Делят вотчины львы,
По чащобам тусуются
волки.

Хищный отблеск в глазах –
Кто-то будет в слезах,
А кому-то и вовсе
умолкнуть...

Слышу горестный вздох:
“Больно мрачен итог”.
Да, я тоже хотел бы
 иначе.

Выйди, встань, помолчи
И услышишь в ночи
Как Россия от хищников
 плачет.

Крутой заяц

Михаил Иванов

(басня)

Косой, освоив сто приемов,
И несмотря на скудный вес,
Ложил врагов любых объемов.
С тем и явился в темный лес.

И вот он, волк, прямо по ходу.
Что называется, нос в нос.
Будто на данную породу
У зайца был особый спрос.

Лишенный напрочь всякой речи,
Волк смог клыки лишь показать,
Поскольку заяц замер свечкой,
Вместо того, чтоб деру дать.

Глядя на кроху очумело,
Волк не успел даже вздохнуть,
Как заяц хваткою умелой
Дугу из серого стал гнуть.

И когда кости затрещали
И зенки тьма заволокла,
На шум свидетели сбежались,
И смерть бандюгу обошла.

«Крутой» большое сделал дело,
Но кто нашелся поддержать?..
И обретя былую смелость,
Волк продолжал зайчишек жрать.

Ну, а косо́го проучили.
Не дело заячье - пужать.
Уж сколько лет и зим учили,
Кто перед кем должен дрожать.

Медвежий порядок

Михаил Иванов

(побасенка)

Собравшись в полдень
на опушке,
Зверье лесное и зверюшки
Шумнели: мол, проходит год,
Куда медведь дела ведет?

Мы, дескать, помним эту дату,
Когда топтыгин депутатом
От нас ушел,
как главный зверь.
И что же видим мы теперь?

«Лиса, как прежде, озорует,
Что день, мышкует и ворует»,
-Шуршали мыши и кроты.
(Ежи и те раскрыли рты).

Енот, тот пуще всех орал,
Что волк с него
семь шкур содрал.
Зайчишко в тон проверещал,
Что их никто не защищал.

Лось, весь израненный, трубил,
Даже копытом землю рыл...
«А то ли будет по весне»,
-Прокаркал ворон на сосне.

Медведь дремал, сидя на пне.
Поднялся в рост.
Пора, мол, мне:
«Друзья,
вы много тут болтали.
А не о том ли все мечтали,

И это все бы ничего.
Зверюге – эко дело,
Если бы сверху на него
Дерьмо не полетело...

И слег могущественный босс.
Не выдержал позора.
И в одночасье рейтинг сполз
До уровня трезора...

Недавно слышал:
 мнение есть,
Что львы пошли не те,
И что разносит эту весть
Ворона на хвосте.

Строптивый ручей

Михаил Иванов

(побасенка)

Бобер приватизировал ручей.
Он тек давно и был ничей.
А берега, в новейшем стиле,
Кроты сослепу захватили.

Бобер вложил немало сил,
Пока ручей не перекрыл.
Кроты и продыху не знали,
В потемках знай себе копали.

Утратив прыть и берега,
Ручей наладился в бега.
И не найдя иных дорог,
Ушел под камни и песок.

Бобер вопил: «Беда.. Беда!..»
Кроты по норам кто куда.
Они вполне довольны были,
Что наконец бобра урыли.

Однако вскоре без воды
Засуетились и кроты...

Телохранитель

Михаил Иванов

(басня)

-Ты что так, братец, опустился?-

Спросил у волка босс-медведь

-Все говорят, опять напился...

Тот взвыл:-

Чтоб мне сто раз сгореть!

Те капли сверху мне достались.

Когда там пролили вино.

И после драки все смотались,

Вот и досталось мне оно.

Медведь мозгами пораскинул,

Поскольку знал всю кухню ту:

Кто и кого там, сверху, кинул,

На чью надеясь доброту.

-Все было так,

мой повелитель!-

Волк все подробности донес.

Поскольку знал телохранитель:

Куда и сколько кто унес.

И волк отделался испугом.

Медведь лишь лапой пригрозил.

Он сам на днях ревел белугой,

Когда друзей всех перепил.

Суд и дело

Михаил Иванов

(басня)

«Кто в чин войдет лисой,

тот в чине будет волком».

В.Даль

Виновным признан был Бобер:

«В делах работных сущий вор!

Деревья валит там и тут.

Нагородил уйму запруд.

Волчье угодые подтопил,

А возместить ущерб забыл.

Поскольку кто горазд так
набивать утробу?
От злости лев, невзвидя
света,
Свершил огромнейший
прыжок.
Ворона не ждала
подобного ответа
И, потерявши хвост,
ввергла зверюгу в шок,
С небес прицелившись
с умом,
И не куда-нибудь, а в глаз
дерьмом!..
Лев от подобного позора
Лишь рыком заросли
потряс
И, хвост поджав, трусцой
трезора
Укрылся в тень
от посторонних глаз.
Стех пор, чтоб сохранить
в чести корону,
Терпел на трапезе ворону.

Хомячий смак

Михаил Иванов

(басня)

Один пресыщенный хомяк
Решил устроить шоу-смак,
Благую службу послужить
И опыт предков обобщить.

Сбежались мыши и кроты,
Ежи хорьки и черепахи.
Даже деревья и кусты
Затмили шумной стаей птахи.

И вот на пень взошел хомяк.
(за ним хомята с хомячихой).
Поднявшись в стойку, подал знак,
И на поляне стало тихо.

Лишь дружно хомяки жевали
И бормотать не уставали:
Дескать, смекайте, где лежит,
И как приходит аппетит.

Хорош он, если под рукой,
А еще лучше - за щекой.
Тогда доволен будет всяк,-
К концу заверил всех хомяк.

Спину согнуть не поленился.
Мол, всем поклон – и удалился...
Как много нынче простаков
Терпят подобных хомяков?!

Лев и еж

Михаил Иванов

(басня)

В одном краю, гласит молва,
Еж усомнился в праве льва:
Мол, все дела мирские в джунглях
Вовсе не царь вершит, а жулик.

И, выражаясь фигурально,
Тип до предела аморальный.
Во власть пролез посредством силы,
Куда его и не просили.

Лев не бросал врагов на плаху.
Предпочитал расправу страхом.
И для подобных грязных дел.
Методой верною владел.

Велел он свору тут поднять,
Чтобы ослушника унять.
Лев знал, что выдюжит не всяк,
Когда «навешают собак».

И точно: еж под вопли псов
Уже не слышал шум лесов,
Движенье дня не замечал,
В клубок свернулся и... молчал.

Кролик отпущения

Михаил Иванов

Что сдвинулось в отечестве моем?..

В.Шекспир

У Козла в хозяйстве пусто –
Он ответствен за капусту.
Эрудитом себя мнит
И давно живет в кредит.

А Баран – тот не дурак,
Обожает бешбармак.
На все стадо он один.
И живет как господин.

Только Кролик делал План,
Подрывал бараний клан.
Он теперь на “перековке”
И мечтает о морковке.

“Это он Козла-проныру
Нагишом пустил по миру!
И полстада, как ни странно,
Умыкнул вдруг у Барана!”

Так решил судья Осел.
Поддержал его Козел,
И Баран, в согласье строгом,
Головой мотнул двурогой.

Не согласен был Верблюд,
Но напрасен его труд.
Где Бараны и Козлы,
Там и правят бал Ослы.

Вороны и Лев

Михаил Иванов

(побасенка)

Делясь с покорными добычей,
Лев не терпел свободы птичей.
И гнал их прочь, влачась по кругу,
Пугая ревом всю округу.
Но воронье стократно отвечало.
Рычанье льва ничуть их не смущало.
Напротив, на владыку то и дело
С небес дерьмо в обилии летело...
Кто вынести позор подобный мог?!
И лев, под ор вороный слег.

Мораль проста: не спорь с вороной.
Не вся та власть, что под короной.